
АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ
АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ
18+
АНАТОМИЯ КАПИТАЛА • КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Алексей Чернявский

Анатомия капитала. Книга 4. Архитектура власти

«Автор»
2026

Чернявский А. А.

Анатомия капитала. Книга 4. Архитектура власти /
А. А. Чернявский — «Автор», 2026

Пятидесятимиллиардный контракт с Китаем подписан, караван прорвал арктические льды, а тонны физического золота легли в шанхайские хранилища. Но на вершине триумфа Агница и Кирилл Воронцовы вступают в самую тонкую и беспощадную игру — схватку за архитектуру собственной власти.Европейские фонды-стервятники и тени прошлого пытаются захватить порты Балтики по поддельным векселям девяностых, отзывают морские страховки, срывают закладку атомных ледоколов и блокируют каспийские пути. Чтобы сделать наследие Раевских неприкосновенным, супругам предстоит перекроить карту мирового клиринга, спуститься в гранитные бункеры Сен-Готарда за правдой о гибели матери Агницы и поднять императорские грамоты 1914 года.Брак, начавшийся со сделки, стал нерушимым союзом двух равных. Финал тетралогии «Анатомия капитала» — о тайной механике больших денег, силе закона и любви, перед которой отступает весь мир.

© Чернявский А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Вес золота / Возвращение на Каменный 6
Глава 1. Суворовский таран / Вексельный финал 14
Глава 2. Балтийский рубеж / Инспекция Усть-Луги 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Алексей Чернявский Анатомия капитала. Книга 4. Архитектура власти

Алексей Чернявский
Анатомия капитала. Книга 4. Архитектура власти

Пролог. Вес золота / Возвращение на Каменный

Локация: Санкт-Петербург, центр бизнес-авиации «Пулково-3» — Каменный остров, 2-я Березовая аллея.

Время: 06:40 утра, 12 ноября 2026 года.

Условия: Температура воздуха: -2 °C, плотный балтийский туман с Финского залива, влажный иней на соснах.

Настоящий капитал никогда не производит шума.

Он не объявляет о себе сиренами, не перекрывает городские магистрали бронетехникой и не требует публичных жестов. Подлинная власть над ресурсами континента говорит на языке бесшумных клиринговых проводок, закрытых реестров швейцарских депозитариев и безупречных судебных приказов, составленных сухим, выверенным языком коммерческого права.

В шесть сорок утра частный дальнемагистральный джет Bombardier Global 7500 коснулся полосы терминала «Пулково-3» с едва различимым шелестом карбоновых тормозов.

Трансконтинентальный перелет из Шанхая через всю Евразию завершился без единого сбоя. В иллюминаторах висела плотная, синевато-серая петербургская мгла, пахнущая солью Маркизовой лужи, торфом и замерзающим гранитом.

В салоне бизнес-класса стояла умиротворяющая тишина.

Агница Воронцова закрыла крышку рабочего ультрабука. Тонкий щелчок титанового корпуса прозвучал в салоне как финальный аккорд в сложнейшей партитуре.

Она сменила дорожный трикотаж на безупречный дорожный ансамбль из новой зимней коллекции Khaite: широкие прямые брюки из камвольной шерсти оттенка горького шоколада, кашемировый джемпер цвета топленого молока с высоким глухим воротом и свободное длинное пальто из двустороннего кашемира, небрежно наброшенное на плечи.

Светлые платиновые волосы были забраны в идеальный гладкий узел на затылке. Ее лицо — скульптурное, с высокими скулами и фарфоровой прозрачностью кожи — казалось абсолютно спокойным. Ни капли дорожной усталости. Лишь в глубине серо-стальных глаз застыла холодная ясность стратега, знающего цену каждому активу на этой планете.

На ее шее, скрытый под мягкой шерстью воротника, покоился фамильный кашмирский сапфир Фаберже — глубокий васильковый кристалл в платине, возвращенный из швейцарского плена.

На левом тонком запястье мерно отщелкивал секунды золотой прямоугольник Cartier Tank: 06:45.

На полированном столике из эбенового дерева перед ней лежал плоский титановый кейс дипломатической защиты. Внутри него покоились документы, определившие исход арктической партии:

Ратифицированный долгосрочный контракт с китайской государственной корпорацией CNPC на пятьдесят миллиардов долларов;

Депозитарный сертификат Шанхайской биржи металлов (SGE) о депонировании восьми тысяч четырехсот двадцати килограммов физического золота высшей пробы 999.9 в подземном бункере Bank of China;

Полные акты сдачи-приемки двухсот десяти тысяч тонн сжиженного газа, благополучно слитого в резервуары глубоководного терминала Цаофэйдянь.

Полярный поход был завершен абсолютным триумфом.

Частный консорциум Раевских стал крупнейшим независимым оператором полярного транзита. Но Агница слишком хорошо знала анатомию больших денег: появление ликвидности

такого масштаба неизбежно пробуждает тех, кто привык охотиться за чужими империями из тишины европейских финансовых столиц.

Позади послышался мягкий звук шагов по ковровому покрытию.

Воронцов подошел неслышно.

Он сменил армейскую полевую штормовку на темно-графитовый костюм-двойку из тончайшей английской шерсти от Huntsman, надетый поверх расстегнутой на верхнюю пуговицу сорочки из шелкового поплина. Травмированное в полярном бою правое плечо полностью восстановилось: бандаж был снят, плечевой сустав двигался свободно, возвращая Кириллу его привычную, обманчиво-ленивую грацию крупного хищника.

На его смуглом лице играли тени утреннего света; серебристая нить шрама у правого виска подчеркивала жесткую, породистую линию скул.

Кирилл остановился за ее креслом, опустив здоровую левую руку ей на плечо.

Его пальцы — горячие, сильные, бережные — скользнули по кашемиру, чуть сжав ткань, передавая ей свое спокойствие:

— Мы дома, Агница.

Она повернула голову, подняв на него глаза.

Ее рука поднялась, накрыв его ладонь, ощутив тепло широкого платинового кольца на его безымянном пальце — точной копии кольца на ее руке:

— Петербург встречает тишиной, Кирилл. Но это тишина перед открытием биржевых торгов.

Воронцов чуть наклонился. Его губы коснулись ее виска, согревая кожу дыханием с ароматом крепкого кофе и кардамона:

— Все входы перекрыты. Наш семейный офис готов к ревизии. Пора вернуться на остров.

На отдельной стоянке «Пулково-3» их ожидали два черных седана Mercedes-Maybach S680 с кантональной тонировкой стекол и машиной охраны консорциума. Никаких эскортов с мигалками, никакой показной спешки.

Кортеж плавно скользнул по мокрому Пулковскому шоссе, обогнул Московскую площадь и ушел на набережные через Западный скоростной диаметр.

Санкт-Петербург за окнами напоминал шедевр монохромной графики: свинцовая вода Невы несла тяжелые поля первого прибрежного сала; стрелка Васильевского острова с Ростральными колоннами тонула в молочном тумане; гранитные спуски набережных казались пустынными и торжественными. Город просыпался медленно, укутанный балтийской влажностью.

Машины пересекли Тучков мост, миновали тихие проспекты Петроградской стороны и въехали под сень вековых сосен Каменного острова.

Здесь, на 2-й Березовой аллее, время подчинялось иным законам.

Заснеженные парки, укрытые столетними дубами, гасили любые звуки мегаполиса. Особняк графа Александра Раевского, построенный в 1912 году великим Федором Лидвалем, возвышался среди сосен как неприступная гранитная твердыня: серый выборгский камень рапакиви, полукруглый эркер, выходящий к Малой Невке, узкие окна-бойницы верхнего яруса и высокая медная крыша, тронутая вековой патиной.

Тяжелые кованые ворота с родовым гербом — соколом, сжимающим в когтях якорную цепь, — открылись бесшумно.

Лимузины замерли на мощеном внутреннем дворе.

У парадного крыльца с ионическими колоннами стоял Сергей Багров. Начальник службы безопасности семьи был в строгом шерстяном пальто поверх темного костюма. Его лицо выражало абсолютную собранность профессионала, контролирующего периметр:

— Добро пожаловать домой, Агния Олеговна. Кирилл Николаевич.

Багров открыл тяжелую дверь дома, обитую мореным дубом:

— В особняке проведена полная проверка контуров связи. В малой библиотеке Лидваля развернут закрытый терминал защищенного клиринга. Нотариус Шестаков ожидает вас с документами на втором этаже.

Они вошли в дом.

Вестибюль особняка встретил их тем самым густым, благородным запахом, который Агница помнила с первых дней своего детства: кавказский орех стеновых панелей, старый воск наборного паркета, холодный белый мрамор каминов и едва уловимый шлейф трубочного табака Dunhill Royal Yacht, который при жизни курил ее отец.

Агница остановилась в центре холла под семиметровыми сводами.

Сняла перчатки, бросив их на консоль из розового мрамора. Медленно расстегнула кашемировое пальто, оставшись в строгом брючном костюме.

Над каминной полкой темнел трехметровый парадный портрет Олега Раевского кисти Серова-младшего. Основатель балтийской империи стоял на фоне штормового Финского залива, заложив руку за борт морского бушлата, и его тяжелый серый взгляд сквозь толщу лака казался живым.

Она подняла глаза на портрет отца.

Золотой корпус Cartier Tank на ее запястье отмерил 07:15.

— Мы привезли контракт, отец, — тихо, в пустоту высокого зала произнесла Агница.

Ее голос звучал ровно, с той бархатной высотой, которая не требовала подтверждений:

— Шанхай ратифицировал соглашение. Танкеры ошвартованы. Но те, с кем ты воевал в девяностые, решили, что после твоей смерти пришло время предъявить старые векселя.

Воронцов подошел сзади.

Его сильная рука легла ей на талию, бережно и властно притянув ее к себе. Он встал рядом, глядя на портрет человека, который свел их судьбы в единую точку:

— Они ошиблись временем, Олег Константинович, — негромко произнес Кирилл. — И они ошиблись наследницей.

Из боковой галереи второго этажа раздался негромкий стук трости и мягкие шаги.

По мраморной лестнице спускался Михаил Шестаков — старейший нотариус Санкт-Петербургской палаты, хранитель тайн семьи Раевских последние тридцать лет.

В руках пожилого юриста в строгой шерстяной тройке лежала кожаная папка с золотым тиснением:

— Агния Олеговна... Слава создателю, вы вернулись.

Шестаков поклонился Воронцову, поправив роговые очки:

— Полчаса назад секретариат Лондонского международного третейского суда (LCIA) направил экстренное процессуальное уведомление.

Нотариус раскрыл формуляр:

— Международный дистресс-фонд Vanguard-Nordic Capital, зарегистрированный на острове Мэн и связанный с офшорами Аркадия Полуэктова, подал заявление о наложении ареста на реестр акционеров морского перегрузочного комплекса в Усть-Луге.

Шестаков поднял встревоженный взгляд:

— Они требуют заморозки всех выплат по китайскому контракту, утверждая, что обладают преимущественным залоговым правом на причалы номер три и четыре на основании старых вексельных соглашений 1998 года на сумму четыре миллиарда двести миллионов долларов.

Агница медленно повернулась к нотариусу.

На ее бледном лице не дрогнул ни один мускул. Лишь в серо-стальных зрачках вспыхнул тот самый ледяной, сокрушительный огонь, перед которым отступали европейские синдикаты.

Она сделала шаг к лестнице:

— Четыре миллиарда по векселям девяносто восьмого года?.. Полуэктов надеется, что архив моего отца сгорел вместе со старой дачей в Репино.

Она взглянула на Воронцова:

— Пойдем в подземный сейф, Кирилл.

Ее голос прозвучал как щелчок взведенного замка:

— Пора открыть архив 1914 года и показать стервятникам, как умирают их фальшивые долги.

Скрытая лифтовая шахта за книжными шкафами малой библиотеки уходила в гранитное основание острова с глухим, маслянистым шипением гидравлических демпферов.

Кабина, обитая матовыми титановыми листами и панелями из темного кавказского ореха, плавно опустилась на двенадцать метров ниже нулевой отметки фундамента. На индикаторе глубины застыла светящаяся риска: -2.

Когда створки дверей разошлись, в лицо пахнуло сухим, обеспыленным воздухом подземного бункера: запах холодного свинца, машинного масла запорных механизмов, гранитного монолита и едва уловимый шлейф вековой известковой пыли. Здесь, глубоко под уровнем дна Малой Невки, царила абсолютная тишина. Толстые стены из фортификационного бетона толщиной восемьдесят сантиметров, укрепленные свинцовыми плитами от любого акустического съема информации и экранированные медным контуром, надежно отсекали звуки балтийской ночи.

Вдоль невысокой сводчатой галереи горели дежурные лампы в латунных плафонах взрывозащищенного исполнения.

В конце коридора монолитной скалой высилась бронедверь главного семейного депозитария Лидваля.

Круглый стальной диск сейфа Chubb & Son's Lock & Safe Co Ltd, отлитый в Лондоне весной 1912 года по специальному заказу графа Александра Раевского, достигал полутора метров в диаметре. Хромированная сталь за сто четырнадцать лет не тронулась ржавчиной: полированная зеркальная поверхность отражала силуэты вошедших без единого изъяна.

— Замок трехуровневый, механический, — негромко произнес нотариус Шестаков, прижимая кожаную папку к груди. Пожилой юрист бережно ступал по бетонному настилу: — Ваш покойный батюшка Олег Константинович перенастроил механические лимбы в августе девяносто восьмого года, сразу после памятного дефолта.

Агница подошла к сейфу вплотную.

Она сняла шелковые перчатки, обнажив тонкие, холодные пальцы. На левом запястье мерно отщелкивал секунды золотой корпус Cartier Tank: 07:38.

Ее движения были выверенными, скупыми. Сначала — оптический сенсор: лазерная щель считала отпечаток ее пальца, верифицировав биометрический профиль наследницы. Затем — фигурный ключ из белой бронзы, извлеченный из потайного кармана ее кейса.

И, наконец, механический дисковый лимб.

Агница взялась за рифленое кольцо, повернув его по часовой стрелке до легкого металлического щелчка:

Семьдесят четыре... сорок четыре... двенадцать...

В чреве массивной двери с тяжелым, маслянистым звуком провернулись двенадцать стальных ригелей диаметром в руку взрослого мужчины: КЛАНГ-КЛИК.

Сбалансированная на прецизионных петлях полуторатонная створка бесшумно отошла наружу на четверть метра.

Воронцов шагнул вперед, придержав край тяжелой плиты здоровой левой рукой, закрывая Агницу плечом:

— Я первый.

Он вошел в хранилище, окинув взглядом пространство.

Комната площадью двадцать квадратных метров была обшита медными листами, создававшими идеальную клетку Фарадея. Вдоль стен ровными рядами тянулись ячейки из полированной нержавеющей стали с гравированными шифрами годов: от 1912-го до 2024-го. В центре помещения стоял массивный стол из черного мореного дуба, над которым горела простая лампа в зеленом эмалированном абажуре.

Встроенная климатическая установка поддерживала неизменные плюс восемнадцать градусов при относительной влажности сорок пять процентов — идеальные условия для хранения тряпичной бумаги верже и пергаментов.

Агница подошла к ячейке номер 1998 в третьем ярусе стеллажа.

Шестаков достал из кармана жилета латунный ключ депозитарной ячейки. Повернул замок на два оборота.

Ячейка выдвинулась с мягким металлическим шелестом.

Внутри лежал массивный архивный бокс из огнестойкого фиброкарбона темно-вишневого цвета с надписью белой тисненой краской:

DEPOSIT-1998 / BALTIC-SETTLEMENT / SPECIAL CONDUIT.

Бокс опустился на сукно дубового стола.

Агница открыла боковые защелки. Под крышкой, переложенные слоями бескислотной папиросной бумаги, покоились документы, определившие судьбу порта Усть-Луга двадцать восемь лет назад.

Она извлекла плотный сшив гербовой бумаги Санкт-Петербургской нотариальной палаты от шестнадцатого августа 1998 года.

Шестаков надел очки для макросъемки, дрожащими пальцами разглаживая края документа:

— Вот он, Агния Олеговна... Слава небесам, бумага в идеальной сохранности.

Агница склонилась над столом. Ее взгляд скользил по каллиграфическим строкам машинописного текста, впечатанного на механической пишущей машинке Optima:

«АКТ О ПОЛНОМ И БЕЗОГОВОРОЧНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ПОГАШЕНИИ ВЕКСЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ (DEED OF RELEASE AND DISCHARGE)».

— Читайте резолютивную часть, Михаил Семенович, — негромко произнес Воронцов. Кирилл стоял, опершись кулаком о столешницу, и его серые глаза впивались в гербовые печати.

Нотариус откашлялся, зачитывая вслух:

— «...Настоящим гражданин Российской Федерации Полуэктов Аркадий Борисович подтверждает получение от гражданина Раевского Олега Константиновича денежных средств в сумме сорока миллионов долларов США (сорок миллионов USD), перечисленных со счета компании Baltic Holdings Ltd в Bank of Cyprus (Лимасол) на счет траста Leman Fiduciary SA в банке Lombard Odier (Женева).

В связи с получением полного удовлетворения, указанный Полуэктов А.Б. заявляет о безоговорочном аннулировании простых векселей серии „А“ с номерами от 001 по 010 номиналом сто двадцать миллионов долларов США каждый, выданных совместным предприятием „Балтийский терминал“ четырнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто восьмого года...»

Шестаков перевернул страницу:

— «...Обязательства авалиста Раевского О.К. прекращены в полном объеме. Подлинники векселей переданы Раевскому О.К. для уничтожения. Векселедержатель Полуэктов А.Б. отказывается от любых материальных, корпоративных и имущественных притязаний к инфраструктуре морского торгового порта Усть-Луга как в настоящее время, так и в будущем, в какой бы юрисдикции таковые споры ни рассматривались».

В нижней части листа стояла широкая, размашистая подпись Полуэктова фиолетовыми чернилами, скрепленная личной гербовой сургучной печатью его кипрского траста.

Рядом красовалась удостоверительная надпись нотариуса Шестакова с мастичным круглым оттиском и реестровым номером: Реестр № 3/412-1998.

Агница опустила ладонь на документ.

Ее лицо преобразилось: исчезла тень дорожной усталости, остался лишь ледяной, хирургический расчет юриста высшей школы:

— Статья четыреста тринадцатая Гражданского кодекса Российской Федерации. Прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице (confusio).

Она подняла глаза на Воронцова:

— В силу Женевской вексельной конвенции 1930 года, вексель, возвращенный авалисту по передаточной надписи или акту полного расчета, теряет вексельную силу в отношении эмитента. Право требования аннулировано двадцать восемь лет назад.

Она достала из бокса второй конверт:

— А вот и сами оригиналы векселей серии «А». Отец не стал сжигать их. Он погасил их физически.

Она извлекла плотные бланки Гознака 1998 года.

Поперек каждого векселя шел сквозной перфорационный прокол диаметром в сантиметр и стоял штамп синей мастикой: ПОГАШЕНО В СВЯЗИ С РАСЧЕТОМ. 16.08.1998.

— Полуэктов предъявил в Лондонский арбитраж дубликаты, — констатировал Воронцов, и в его низком голосе прорезался холодный металл: — Фальсификат. Он использовал старые нотариальные копии, заверенные до момента расчета, выдав их за подлинники, якобы хранившиеся в женевском трасте.

— Именно так, Кирилл, — подтвердила Агница.

Она придвинула к себе портативный защищенный сканер высокого разрешения:

— Статья 161 Арбитражного процессуального кодекса РФ — заявление о фальсификации доказательств. Завтра в десять утра в Арбитражном суде Санкт-Петербурга и Ленинградской области на Суворовском проспекте адвокаты Полуэктова потребуют признать лондонский приказ Mareva законным и арестовать реестр терминалов Усть-Луги.

Она бережно опустила подлинник акта 1998 года в сканирующий модуль:

— Мы не станем оправдываться. Мы подадим встречное заявление о подложности доказательств с требованием направления материалов дела в Следственный комитет для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по части третьей статьи 303 УК РФ — фальсификация доказательств по гражданскому делу, повлекшая тяжкие последствия.

Она взглянула на Шестакова:

— Михаил Семенович, снимите три нотариальные копии с акта и погашенных векселей. Заверьте их реестром текущей даты. Один экземпляр уйдет ночью фельдъегерской связью в секретариат LCIA в Лондон с требованием немедленной отмены обеспечительных мер. Второй ляжет завтра в девять тридцать утра на стол судьи на Суворовском. Третий останется у меня.

— Будет исполнено в течение сорока минут, Агния Олеговна, — поклонился нотариус, бережно принимая пергаменты в белых перчатках: — Я поднимусь в малую библиотеку со своим аппаратом.

Шестаков поклонился Воронцову и вышел из хранилища.

В бронированном покое подземного хранилища они остались вдвоем.

Агница закрыла пустой фиброкарбоновый бокс, щелкнув замками. Ее пальцы коснулись крышки стола из черного дуба. Внезапно все колоссальное напряжение последних суток — перелет через континент, тревога за заживающее плечо Кирилла, груз пятидесятимиллиардного шанхайского контракта — отпустило ее нервы короткой, тягучей волной физического изнеможения.

Она медленно оперлась о край стола, опустив голову. Платиновые пряди коснулись щек.

Воронцов подошел неслышно.

Его здоровая левая рука легла ей на талию, притянув к себе. Он обогнул стол, встал перед ней, бережно приподнял ее лицо за подбородок. Его серые глаза, смотревшие на нее из-под темных бровей, были наполнены тем глубоким, темным теплом, которое она видела только наедине:

— Ты сделала это, Агница.

Кирилл провел подушечкой большого пальца по ее бледной скуле:

— Документы найдены. Рейдерский капкан Полуэктова сломан. Завтра суд будет простой формальностью.

— Это не формальность, Кирилл, — прошептала она, поднимая на него глаза. В ее взгляде сквозила бездна доверия: — Это последний узел, связывавший отца с той дикой эпохой. Когда завтра судья ударит молотком, империя станет чистой. Полностью нашей.

Воронцов чуть наклонился, его губы коснулись ее виска, обжигая кожу:

— Пойдем наверх, Агница. Хранилище закрыто. Нам нужно поспать хотя бы четыре часа.

Она накрыла его пальцы своими руками:

— Не в гостевых комнатах, Кирилл. В покоях мамы. На третьем этаже.

Покои Елены Раевской на третьем этаже западного крыла особняка оставались нетронутыми пятнадцать лет — с того самого ноябрьского дня 2011 года, когда трагедия на Лазурном берегу разорвала семью.

Олег Раевский запретил прислуге менять обстановку: здесь не делали ремонтов и не переставляли мебель.

Комната встретила их запахом сухой лаванды, белого мускуса, старинного шелка и мерным, приглушенным шелестом заснеженных сосновых лап за полукруглыми венецианскими окнами. В центре спальни высилась широкая кровать из беленого ясеня с балдахином из прозрачного муслина; у стены дремал камин из молочно-белого каррарского мрамора с инкрустацией из лазурита.

Багров уже успел запустить автономное отопление крыла: в камине ровно, бездымно гудели сухие березовые поленья, наполняя комнату золотым теплом и мягкими танцующими тенями.

Агница вошла в комнату первой.

Она остановилась посреди ковра, глядя на туалетный столик с флаконами винтажных французских духов Guerlain, к которым мать прикасалась перед роковым отъездом.

Она медленно расстегнула пуговицы шелковой сорочки.

Тонкая ткань цвета топленого молока соскользнула с ее плеч, упав к ногам легкой волной. Следом на ковер опустились брюки.

Она осталась в тонком черном шелковом белье, подчеркивавшем безупречные, скульптурные линии ее тела. На ее шее, озаренный багровыми отсветами камина, сиял кашмирский сапфир — камень матери, вернувшийся в родную спальню спустя полтора десятилетия изгнания.

Воронцов подошел сзади.

Он снял кардиган, осторожно высвободив правое плечо. Стянул через голову сорочку.

В полумраке комнаты его мускулистый торс, иссеченный старыми шрамами, выглядел как доспех древнего гладиатора. Тонкий след от пули на правом плече казался единственным свидетельством недавних боев.

Он обнял ее здоровой рукой за талию, прижав спиной к своей горячей груди.

Агница закрыла глаза, сделав судорожный, глубокий вдох. Ее затылок опустился на его плечо. Она ощутила, как сильные пальцы Кирилла медленно, бережно распустили шпильки в ее волосах: платиновые пряди тяжелым водопадом рассыпались по его груди, скрыв сапфир на шее.

— Ты дома, Агница, — прошептал он, целуя чувствительную ямочку за ее ухом. — Ты вернула этот дом себе.

Она повернулась в кольце его руки.

Ее ладони легли на его обнаженные плечи — пальцы мягко обошли заживший сустав, огладили широкие ключицы, прижались к горячей, вибрирующей коже над его сердцем.

Она посмотрела в его серые глаза, в которых больше не было масок:

— Я дома только тогда, когда ты со мной, Воронцов. Без тебя этот дом был бы просто холодным склепом из выборгского гранита.

Кирилл медленно приподнял ее лицо за подбородок.

Его поцелуй начался осторожно, почти целомудренно — касание губ, в котором растворялся многолетний холод сиротства и страха. Но уже через секунду в нем вспыхнуло то самое раскаленное, темное мужское пламя, перед которым отступали любые преграды.

Агница ответила с той же глубокой, безудержной страстью: ее пальцы запутались в его темных коротких волосах, тело прижалось к его бедрам, отвечая на его силу.

Он подхватил ее на руки здоровой левой рукой и предплечьем правой, легко поднял над ковром и перенес на широкую кровать под муслиновым балдахином.

Шелк простыней был прохладным, но жар их тел мгновенно растопил эту прохладу.

В мерцании каминного огня их движения были медленными, тягучими, исполненными глубокого благоговения друг перед другом. Воронцов входил в нее сдержанно, контролируя каждый толчок, но Агница не искала пощады: ее бедра обвивали его поясницу, ногти оставляли тонкие следы на его плече, а с губ срывался сдавленный, хриплый шепот его имени.

Они любили друг друга не как беглецы, крадущие минуты перед боем, — они соединялись как два абсолютных правителя, утверждающие свое бессмертие в тишине освобожденного родового гнезда.

Кульминация накрыла их одновременно: слепящая, беззвучная волна восторга, заставившая Агницу задохнуться в поцелуе, пока Воронцов с глухим вздохом прижимал ее к матрасу всей тяжестью своего тела.

Они уснули за три часа до рассвета, не разжимая объятий.

Ее голова покоилась на его груди, мерно вздымавшейся в такт ударам сердца; платиновое кольцо на его руке касалось платинового кольца на ее пальце.

За окнами спальни Елены Раевской падал тихий петербургский снег, укрывая сосны Каменного острова белым полотном вечного мира.

А впереди лежал утренний Суворовский проспект — зал Арбитражного суда, где их ждал окончательный юридический триумф над старыми тенями девяностых.

Глава 1. Суворовский таран / Вексельный финал

Утро восьмого ноября накрыло Санкт-Петербург плотным, низким саваном балтийской оттепели.

Снег, укрывавший вековые сосны Каменного острова, подтаял от пришедшего с Маркизовой лужи теплого сырого циклона: тяжелые капли с монотонным шелестом срывались с медных карнизов особняка Лидваля, разбиваясь о полированные гранитные плиты парадного подъезда. Термометры в автомобиле фиксировали плюс один градус; в воздухе висела серая водяная взвесь, в которой вязли гудки барж из акватории Большой Невки.

В восемь сорок утра тяжелые кованые ворота на 2-й Березовой аллее открылись, выпуская кортеж.

Два черных бронированных седана Aurus Senat частного парка консорциума «Aeterna» шли без спецсигналов и показного эскорта. Никаких нарушений правил дорожного движения: плавная, хищная поступь тяжелых бронекапсул высшего класса защиты VR10, выдерживающих дистанцию в десять метров. Кортеж свернул на Каменноостровский проспект, скользнул по мокрому граниту Троицкого моста, обогнул Марсово поле и ушел на набережную Робеспьера в сторону Смольного.

В салоне флагманского Aurus царила глухая, изолированная тишина представительского седана.

Агница сидела у правого окна, закинув ногу на ногу.

Она сменила домашний бархат на безупречный деловой доспех, выверенный по канонам высшей процессуальной классики: строгий двубортный костюм-тройка из тяжелой шерстяной фланели угольно-серого оттенка от Celine. Приталенный жилет глухо закрывал грудь; широкие брюки со стрелками струились до мысков матовых кожаных оксфордов на тонкой подошве.

Под жилетом виднелась ослепительно белая сорочка из плотного шелкового поплина с жестким воротником, застегнутым на все пуговицы. Никаких украшений, кроме кашмирского сапфира Фаберже, спрятанного под тканью сорочки, и золотого прямоугольника Cartier Tank, мерно отсчитывавшего секунды до начала заседания: 08:52.

Светлые платиновые волосы были уложены в тугой, скульптурный узел на затылке. Тонкие пальцы плавно, не торопясь, скользили по экрану защищенного планшета, листая карточку дела в электронной системе «Картотека арбитражных дел» (КАД):

АРБИТРАЖНЫЙ СУД САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ДЕЛО № А56-118402/2026

СУДЬЯ: КИСЕЛЕВА И.В. (СУДЕБНЫЙ СОСТАВ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ)

ЗАЯВИТЕЛЬ: NORDIC-CASPIAN OIL & TRANSIT HOLDINGS LTD (КИПР)

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ ЛИЦА: ПАО «СЕВЕРНЫЙ ТРАНЗИТ», ТРАСТ AETERNA-RAEVSKAYA

ПРЕДМЕТ: ПРИЗНАНИЕ И ПРИВЕДЕНИЕ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ИНОСТРАННОГО СУДА

И ПРИНЯТИЕ СРОЧНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ РЕЕСТРА АКЦИОНЕРОВ.

ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ: 10:00, ЗАЛ 312.

Воронцов сидел рядом, положив здоровую левую руку на кожаный подлокотник.

Он надел темно-серый шерстяной костюм от Huntsman, безупречно скрывавший контуры правого плеча. Свежий рубец под ключицей больше не давал острых прострелов: Кирилл двигался свободно, хотя избегал резких вращений суставом.

Его смуглое лицо с четко очерченной линией челюсти было гладко выбрито; тонкий след шрама у правого виска слегка посветлел. В немигающих серых глазах застыла холодная выдержка стратега, проверяющего боевой порядок перед решающим ударом.

— Представители Полуэктова прибыли на Суворовский тридцать минут назад, — негромко произнес Воронцов.

Его низкий бархатистый бас заполнил пространство салона:

— Багров зафиксировал три машины у главного входа. Заявителя представляет старший партнер коллегии адвокатов Игорь Калинин. С ним двое консультантов из московского офиса международной юридической фирмы и личный аудитор Полуэктова.

Кирилл перевел взгляд на планшет Агницы:

— Калинин известен тем, что выигрывает девять из десяти процессов по трансграничным обеспечительным мерам. Он специализируется на мгновенных блокировках реестров: накладывает арест до рассмотрения дела по существу, парализует операционную деятельность, а затем вынуждает сторону идти на мировое соглашение с дисконтом в тридцать-сорок процентов.

Агница медленно заблокировала экран планшета.

На ее тонких бледных губах проступила та самая едва уловимая, ядовитая полуулыбка, которую в лондонском Сити называли «улыбкой Валькирии»:

— Калинин привык работать с растерянными наследниками, Кирилл. Он строит стратегию на презумпции того, что оригиналов документов не существует, а сторона защиты будет ходатайствовать о бесконечных переносах заседаний и истребовать архивные описи через международные судебные поручения.

Она опустила руку на кожаный портфель Smythson коньячного цвета, стоявший у ее ног:

— Он не знает, что в этом портфеле лежат подлинники с пробитыми номерами и реестровый журнал Шестакова за девяносто восьмой год.

Она повернулась к мужу, заглянув в его серые зрачки:

— Мы не станем просить об отсрочках. Мы войдем в процесс на первой секунде и вскроем их подлог по статье сто шестьдесят первой Арбитражного процессуального кодекса прямо под протокол.

Воронцов накрыл ее ладонь своей широкой, горячей рукой, чуть сжав пальцы:

— Шестаков прибыл в суд отдельной машиной. Подлинник нотариального реестра при нем.

Машина свернула с набережной на Суворовский проспект.

Монументальный шестиэтажный комплекс Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области на Суворовском проспекте, дом 50/52, выглядел строгим гранитным бастионом современной российской юстиции.

Массивный фасад из полированного серого гранита и темного стекла, строгие колонны парадного портика и широкая гранитная лестница, по которой в этот утренний час поднимались десятки юристов в темных пальто с кожаными портфелями и коробками процессуальных бумаг.

Около главного входа уже дежурили трое репортеров деловых изданий: в прессу просочилась информация о том, что кипрская компания пытается наложить обеспечительный арест на акции стратегического перегрузочного комплекса в Усть-Луге.

Однако появление кортежа четы Воронцовых прошло без публичной суеты.

Седаны заехали через закрытый шлагбаум служебного въезда во внутренний двор суда по согласованию со службой судебных приставов. Багров и двое оперативников безопасности в строгих костюмах вышли первыми, перекрыв сектор служебного лифта.

Воронцов вышел из машины, подал руку Агнице.

Она ступила на мокрый асфальт с уверенной, отточенной грацией. Полы ее длинного кашемирового пальто слегка колыхнулись на ветру; в левой руке она держала портфель с материалами дела.

Они вошли в здание через служебный вход, миновали рамку металлодетектора поста судебных приставов и поднялись на третий этаж.

Зал судебных заседаний номер 312 был типичным для составов по сложным корпоративным спорам.

Светлые панели из шпонированного дуба, высокие потолки с рассеянным люминесцентным освещением, два длинных стола для сторон процесса с микрофонами аудиопротоколирования и возвышающаяся в центре судейская трибуна из темно-вишневого дерева под государственным гербом Российской Федерации. За широким окном зала виднелись мокрые крыши домов Песков и медный купол Смольного собора.

Сторона заявителя уже заняла места за левым столом.

Адвокат Игорь Калинин — пятидесятилетний мужчина плотного сложения в дорогом костюме индивидуального пошива от Brioni из темно-синей камвольной шерсти, с аккуратной седеющей стрижкой и тяжелыми золотыми часами Breguet Marine на запястье — вальяжно листал увесистый том искового заявления. Рядом сидели двое молодых партнеров с раскрытыми ультрабуками ThinkPad; перед ними высились аккуратные стопки процессуальных ходатайств с прикрепленными квитанциями об оплате государственной пошлины.

Калинин был абсолютно спокоен.

В его распоряжении находился свежий приказ лондонского судьи Кобба, апостилированный нотариатом Великобритании, и нотариально заверенная кипрская копия векселя 1998 года на сумму четыре миллиарда двести тридцать миллионов долларов. В рамках стандартной практики российских арбитражных судов по статье 90 АПК РФ наличие подобного документа практически гарантировало принятие срочных обеспечительных мер: реестр блокировался судом «до рассмотрения спора по существу», что для ответчика означало полугодовой паралич корпоративного управления.

Дверь зала заседаний открылась ровно в 09:55.

Когда в зал вошла Агница Воронцова в сопровождении Кирилла и седовласого нотариуса Шестакова, Калинин лениво поднял глаза — и мускул на его холеной щеке едва заметно дрогнул.

Он ожидал увидеть команду штатных цивилистов петербургского филиала «Северного Транзита».

Вместо этого перед ним стояла сама Агния Раевская.

Женщина, чье имя гремело в международных реестрах от Лондона до Сингапура, шла по ковровой дорожке зала суда с той абсолютной, сокрушительной уверенностью, которая заставляла замолкать даже опытных процессуалистов. Графитовый фланелевый костюм, сапфир Фаберже, скрытый под воротником, золотой Cartier на тонком запястье и взгляд серых глаз — холодный, взвешивающий, лишенный страха.

Рядом с ней двигался Воронцов.

Широкоплечий, молчаливый, в безупречном костюме от Huntsman, Кирилл нес в себе ту скрытую гранитную силу, перед которой любая адвокатская вальяжность мгновенно превращалась в нервную суету.

Воронцов не стал садиться за стол представителей: он занял место в первом ряду скамей для публики, прямо за правым плечом Агницы, положив руку на спинку ее кресла. Его немигающий взгляд серых глаз зафиксировал лицо Калинина, заставив московского адвоката непроизвольно поправить узел шелкового галстука.

Агница опустилась в кресло за правым столом представителей ответчика.

Положила портфель Smythson перед собой. Достала тонкую перьевую ручку, служебный блокнот и доверенность с личной подписью единоличного исполнительного органа холдинга.

Шестаков сел рядом, аккуратно поставив на пол тяжелый кожаный кофр с нотариальным реестром 1998 года.

В девять часов пятьдесят девять минут боковая дверь судейской комнаты отворилась.

Секретарь судебного заседания громко возвестила:

— Встать, суд идет!

В зал вошла судья Ирина Васильевна Киселева — строгая, пятидесятилетняя женщина с проницательными темными глазами, в черной судейской мантии с белым плиссированным жабо. Киселева вела сложнейшие морские и корпоративные банкротства региона более пятнадцати лет: ее репутация судьи, досконально знающей вексельное право и пресекающей любые попытки рейдерского манипулирования обеспечительными мерами, была непререкаемой на всем Северо-Западе.

Судья заняла место под гербом, опустила очки в тонкой золотой оправе на переносицу и открыла тяжелый том дела:

— Слушается дело номер А56-118402/2026 по заявлению компании Nordic-Caspian Oil & Transit Holdings Ltd о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и принятии срочных обеспечительных мер в отношении акций публичного акционерного общества «Северный Транзит». Секретарь, доложите явку сторон.

Секретарь отчеканила:

— Сторона заявителя явилась в составе представителей по доверенности адвоката Калинина И.В. и советника Смирнова А.П. Личности удостоверены. От заинтересованного лица — ПАО «Северный Транзит» — явились представитель по доверенности Воронцова А.О. и нотариус Санкт-Петербургской нотариальной палаты Шестаков М.С. Доверенности и ордера в материалах дела.

Судья Киселева перевела внимательный, изучающий взгляд на правый стол:

— Суд удостоверяет полномочия представителей. Отводы составу суда имеются?

— Отводов не имеется, ваша честь, — синхронно отозвались Калинин и Агница.

— Права и обязанности сторонам понятны. Переходим к рассмотрению заявления о принятии обеспечительных мер, — судья опустила ладонь на дело: — Слово предоставляется представителю заявителя. Адвокат Калинин, обоснуйте необходимость наложения ареста на реестр акционеров стратегического порта.

Игорь Калинин поднялся с места с отрепетированной солидностью.

Его голос — глубокий, звучный, поставленный годами выступлений в столичных судах — заполнил зал:

— Уважаемый суд! Ситуация предельно прозрачна и требует немедленного вмешательства судебной власти в порядке статей девяностой и девяносто первой Арбитражного процессуального кодекса РФ. Наш доверитель является законным держателем десяти простых векселей серии «А», выданных правопредшественником ответчика на общую сумму более четырех миллиардов долларов США. Платеж по указанным ценным бумагам не произведен до настоящего времени.

Калинин поднял над столом заверенную копию лондонского судебного акта:

— Четырнадцатого ноября текущего года Высокий суд Лондона по нашему заявлению наложил всемирный обеспечительный арест (Mareva Injunction) на активы холдинга. Ответчик ведет агрессивную деятельность по выводу активов в восточные юрисдикции — в частности, в Китай и Объединенные Арабские Эмираты.

Адвокат победно повысил тон:

— Если Арбитражный суд Санкт-Петербурга не примет срочные меры и не заблокирует любые регистрационные действия по отчуждению долей в морском перегрузочном комплексе

Усть-Луги, исполнение будущего решения суда станет невозможным. Ущерб нашему клиенту превысит двести миллиардов рублей. Мы настаиваем на немедленном удовлетворении заявления в полном объеме!

Калинин опустился в кресло с чувством выполненного долга.

Его младшие партнеры переглянулись с довольными улыбками: процессуальная позиция казалась железобетонной.

Судья Киселева сделала пометку в блокноте, затем подняла глаза и посмотрела на Агницу:

— Позиция заявителя ясна. Суд слушает возражения ответчика. Госпожа Воронцова, вам слово.

Агница не стала брать в руки бумаг.

Она медленно, с балетной точностью поднялась из-за стола.

Ее прямая фигура в темном фланелевом костюме приковала к себе все взгляды в зале. В наступившей звенящей тишине слышно было лишь мерное дыхание Воронцова за ее спиной.

— Уважаемый суд, — произнесла Агница.

Ее голос — бархатный, низкий, звучащий с той пугающей, режущей ясностью, которая отметала любые эмоциональные надстройки, — заполнил пространство зала:

— До того как перейти к рассмотрению вопроса о соразмерности обеспечительных мер, сторона ответчика заявляет ходатайство в порядке статьи сто шестьдесят первой Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Калинин вздрогнул, его рука с золотыми часами замерла над блокнотом.

Судья Киселева нахмурилась, подавшись вперед:

— Какое именно заявление, представитель?

Агница открыла замок портфеля Smythson. Щелчок латуни прозвучал как выстрел в упор:

— Заявление о фальсификации доказательств, ваша честь.

Она сделала паузу, и каждое следующее слово падало на стол судьи с тяжестью гранитной плиты:

— Мы заявляем о фальсификации представленных заявителем копий простых векселей серии «А» и подложности самого факта существования вексельного долга. Обязательство по этим бумагам было полностью прекращено двадцать восемь лет назад — шестнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто восьмого года — в связи с полным расчетом наличными средствами и физическим погашением оригиналов ценных бумаг.

В зале номер 312 воцарилась мертвая, парализующая тишина.

Агница извлекла из портфеля и положила перед секретарем суда подлинный сшив 1998 года:

— В подтверждение заявления суду представляется оригинал «Акта о полном прекращении обязательств» с личной подписью бенефициара заявителя Аркадия Полуэктова и оригиналы всех десяти простых векселей серии «А» с перфорационными штампами погашения.

Она повернулась к побледневшему Калинину, полоснув по его лицу ледяным взглядом:

— Мы требуем исключить доказательства заявителя из материалов дела и передать протокол заседания в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по части третьей статьи триста третьей Уголовного кодекса Российской Федерации — фальсификация доказательств по гражданскому делу, повлекшая тяжкие последствия.

В зале номер триста двенадцать повисла тишина такой плотности, что сквозь массивные звукоизолирующие двери стало слышно, как в коридоре третьего этажа приглушенно переговариваются судебные приставы.

Секретарь судебного заседания замерла с поднятыми над клавиатурой пальцами, забыв о протоколе. Адвокат Игорь Калинин остался стоять, судорожно вцепившись пальцами в

край полированного дубового стола: костяшки его рук побелели, а массивный золотой корпус Breguet Marine на запястье мелко подрагивал от участившегося пульса. Сидевшие позади него консультанты из международной фирмы растерянно переглядывались, лихорадочно закрывая лишние вкладки в ноутбуках и стараясь не встречаться глазами с судьей.

Судья Ирина Васильевна Киселева медленно сняла очки в тонкой золотой оправе и опустила их на раскрытый том дела.

Ее строгий, проницательный взгляд скользнул по подлинникам векселей Гознака 1998 года, лежавшим перед ней на кафедре. Пальцы судьи в тонких тканевых перчатках аккуратно приподняли первый бланк: сквозная механическая перфорация диаметром ровно десять миллиметров, пробившая тело ценной бумаги в зоне подписи авалиста, и четкий прямоугольный штамп синей мастикой: ПОГАШЕНО В СВЯЗИ С РАСЧЕТОМ. 16.08.1998.

Затем судья перевела взгляд на Калинина.

В глазах Киселевой не было эмоций — лишь абсолютная, бесстрастная строгость опытного арбитра, раскрывшего грубую процессуальную диверсию:

— Представитель заявителя. Судом получено устное и письменное заявление ответчика о фальсификации доказательств в порядке статьи сто шестьдесят первой Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Голос судьи звучал мерно, заполняя пространство зала непререкаемым холодом:

— Оспариваются представленные вами нотариальные копии простых векселей серии «А» и расчет задолженности компании Nordic-Caspian Oil & Transit Holdings Ltd на сумму четыре миллиарда двести тридцать миллионов долларов США. Суд разъясняет вам уголовно-правовые последствия проверки данного заявления. Фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, в силу части третьей статьи триста третьей Уголовного кодекса Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Киселева сделала паузу, от которой воздух в зале словно сгустился:

— В соответствии с пунктом вторым части первой статьи сто шестьдесят первой АПК РФ, суд обязан задать вам прямой вопрос: согласны ли вы исключить оспариваемые документы из числа доказательств по настоящему делу?

Калинин тяжело сглотнул.

В горле у старшего партнера коллегии адвокатов пересохло так, словно он сделал глоток известковой пыли. Вся выверенная годами стратегия лопнула за тридцать секунд. Он строил расчет на процессуальной неопределенности: на том, что оригиналы векселей утрачены, ответчик растерян, а временные обеспечительные меры парализуют морской порт Усть-Луга до конца зимы, вынудив Раевских согласиться на отступные.

Но перед ним лежали подлинники. Сквозная перфорация, уничтожившая вексельную силу бумаг двадцать восемь лет назад.

Если он откажется исключить доказательства, Киселева назначит комплексную криминалистическую и техническую экспертизу документов в Северо-Западном региональном центре судебной экспертизы Минюста РФ. Эксперты подтвердят подлинность перфорации и мастики за трое суток.

После этого суд будет обязан направить частное определение в Следственный комитет, и тогда статус Калинина из высокооплачиваемого столичного адвоката автоматически изменится на подозреваемого в соучастии в мошенничестве в особо крупном размере.

Младший советник за его спиной в панике дернул Калинина за полу пиджака:

— Игорь Владимирович, выходите из доказательств... Полуэктов уверял, что подлинников нет! Это уголовная статья, нас лишат статуса прямо сегодня...

Калинин медленно, тяжело поднял голову.

От его утреннего светского лоска не осталось и следа. Плечи обвисли, дорогой костюм Brioni казался мешковатым:

— Ваша честь... Сторона заявителя... — голос адвоката сорвался, он судорожно откашлялся: — Заявитель действовал добросовестно на основании пакета документов, переданных кипрскими трастовыми поверенными. Однако, принимая во внимание вновь открывшиеся обстоятельства и во избежание необоснованного затягивания процесса... заявитель выражает согласие на исключение копий векселей серии «А» из числа доказательств по настоящему заявлению.

Агница даже не повернула головы в его сторону.

Она сидела прямо, сложив тонкие пальцы в замок на столешнице. Ее лицо в обрамлении платиновых прядей оставалось непроницаемым, как у античной богини правосудия. Лишь золотые стрелки Cartier Tank отмерили 10:14.

— Заявление представителя заявителя об исключении доказательств занесено в протокол судебного заседания, — сухо зафиксировала судья Киселева.

Она перевела взгляд на правый стол:

— Госпожа Воронцова, у вас имеются дополнения к процессуальной позиции?

Агница плавно, с балетной экономией движений поднялась из-за стола.

Ее графитовый шерстяной костюм-тройка сидел идеально; белый шелковый воротник сорочки оттенял сапфир Фаберже, скрытый под жилетом. В ее голосе не было торжества — звучала кристальная, неотвратимая диктатура нормы права:

— Уважаемый суд. С момента исключения фальсифицированных копий векселей из доказательственной базы в материалах дела номер А56-118402 не осталось ни единого документального подтверждения наличия материального права требования заявителя к ПАО «Северный Транзит».

Она сделала шаг к трибуне, раскрыв папку с нотариальным актом:

— В силу правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, обеспечительные меры не могут быть приняты при отсутствии доказательств реальности имущественного спора. Заявитель обратился в арбитражный суд исключительно с целью корпоративного шантажа и дестабилизации деятельности стратегического морского хаба России на Балтике.

Она повернулась к Шестакову:

— Для окончательного процессуального закрепления факта надлежащего исполнения обязательств сторона ответчика ходатайствует о приобщении к материалам дела нотариально удостоверенной выписки из реестра нотариальных действий за август тысяча девятьсот девяносто восьмого года, представленной лично нотариусом Санкт-Петербургской нотариальной палаты Шестаковым Михаилом Семеновичем.

Судья Киселева кивнула:

— Ходатайство удовлетворяется. Нотариус Шестаков, передайте выписку через секретаря.

Седовласый нотариус поднялся со скамьи, подошел к секретарю и бережно опустил на стол плотный лист с гербовой мастичной печатью нотариальной палаты.

Судья Киселева бегло просмотрела реестровую запись:

— Выписка приобщена. Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения судебного акта.

Совещание судьи длилось ровно пятнадцать минут.

В зале триста двенадцать царила абсолютная тишина. Воронцов оставался на скамье в первом ряду, держа здоровую левую руку на спинке кресла Агницы. Его сильные пальцы едва заметно касались ткани ее жакета, передавая ей свое спокойствие.

Агница сидела неподвижно. Ее серые глаза смотрели в дубовую панель судейской трибуны. За ее спиной слышалось лишь тяжелое, неровное дыхание Калинина, безуспешно пытавшегося набрать номер на бесшумном режиме телефона.

Дверь совещательной комнаты открылась.

Судья Киселева вошла в зал быстрой, твердой походкой, держа в руках отпечатанный текст определения.

Все присутствующие поднялись со своих мест.

— Оглашается резолютивная часть определения Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области, — голос судьи звучал четко, рассекая тишину зала:

«Руководствуясь статьями девяносто, девяносто три, девяносто семь, сто шестьдесят один и сто восемьдесят четыре Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд определил:

В удовлетворении заявления компании Nordic-Caspian Oil & Transit Holdings Ltd о принятии срочных обеспечительных мер в виде наложения ареста на акции публичного акционерного общества „Северный Транзит“ и запрета совершения регистрационных действий — отказать в полном объеме.

В связи с исключением заявителем спорных доказательств из материалов дела и доказанностью факта прекращения вексельных обязательств от 14 августа 1998 года надлежащим исполнением, отменить все ранее действовавшие временные ограничения в отношении активов ответчика».

Судья Киселева сделала короткую паузу, подняв холодный взгляд на представителей заявителя:

«На основании статьи сто девятнадцатой АПК РФ, за проявление явного неуважения к суду и злоупотребление процессуальными правами, выразившееся в предъявлении заведомо необоснованных требований с использованием отозванных документов, наложить на компанию Nordic-Caspian Oil & Transit Holdings Ltd судебный штраф в максимальном размере, предусмотренном законом.

Судебный акт подлежит немедленному исполнению со дня его вынесения».

Судейский молоток резко опустился на деревянную наковальню: ТОК.

— Заседание закрыто.

Калинин не стал дожидаться, пока судья скроется за дверью совещательной комнаты.

Столичный адвокат рывком сгреб со стола свои бумаги, бросил кожаный портфель под мышку и, не взглянув ни на секретаря, ни на своих ассистентов, стремительно покинул зал триста двенадцать, почти бегом направляясь к служебному выходу. Младшие консультанты лихорадочно выдергивали зарядные устройства из розеток, семеня следом за шефом.

В зале остались только Агница, Воронцов, нотариус Шестаков и Багров, державший дверь.

Михаил Семенович Шестаков опустил руки на спинку скамьи, шумно выдохнул и медленно снял очки:

— Слава создателю... Тридцать лет этот камень висел над памятью Олега Константиновича. Тридцать лет Полуэктов держал дубликаты векселей как скрытый кинжал.

Старый нотариус повернулся к Агнице, отвесив ей глубокий, почтительный поклон:

— Вы сняли эту тень за одно заседание, Агния Олеговна. Ваш отец гордился бы вашей выдержкой.

Агница подошла к Шестакову, бережно пожав его сухую руку в тонкой шелковой перчатке:

— Мы сняли ее благодаря вашей безупречной аккуратности, Михаил Семенович. Если бы не ваша реестровая книга девяносто восьмого года, этот спор затянулся бы на месяцы.

Она повернулась к Воронцову.

Кирилл уже стоял рядом. Его серые глаза горели тем самым темным, спокойным огнем признания равного.

Он подошел вплотную, его здоровая левая рука легла ей на талию, притянув ее к себе. В присутствии старого нотариуса и охраны не было нужды в протокольной дистанции: они были супругами, скрепившими свой союз перед небом и законом.

— Ты раздавила их защиту в первом раунде, Агница, — произнес Воронцов. Его низкий бас согрел ее ухо: — Калинин бежал из суда как нашкодивший клерк.

В кармане его пиджака мягко завибрировал правительственный спутниковый терминал.

Кирилл извлек аппарат, скользнул взглядом по экрану и повернул дисплей к Агнице.

На защищенной линии висел срочный доклад Маркуса Чена из Дубая:

DUBAI / DIFC PRIVATE DESK / INTERCEPT:

NICE / CÔTE D'AZUR / VILLA "LA PALOMA"

POLUEKTOV A.B. NOTIFIED OF SPB ARBITRATION RULING.

PANIC IMMINENT.

FRENCH NOTARIAL CHAMBER RECEIVED UNCONDITIONAL WITHDRAWAL OF ALL CLAIMS IN LCIA (CASE #26-881).

POLUEKTOV INSTRUCTED BROKERS TO TRANSFER REMAINING 5% NON-VOTING SHARES OF UST-LUGA TERMINALS TO "AETERNA TRUST" FOR 1 RUBLE.

REQUESTS COMPLETE WAIVER OF CRIMINAL PROSECUTION UNDER ART. 303 CC RF.

Агница медленно закрыла крышку портфеля Smythson.

На ее бледном породистом лице не появилось злорадства — лишь та самая окончательная, чистая ясность победителя, завершившего затянувшуюся партию:

— Полуэктов капитулировал окончательно, Кирилл. Балтийский реестр очищен на сто процентов. Ни один иностранный фонд больше не имеет ни единой зацепки против Усть-Луги.

Она посмотрела на часы Cartier Tank: 10:45.

— Порт свободен. Танкерный флот идет в Балтику под нашими суверенными сертификатами.

Она взглянула в серые глаза Воронцова:

— Вертолет в Ржевке ждет. Мы летим в порт, Кирилл. Пора лично принять командование над главным морским бастионом Балтики.

Воронцов обнял ее за плечи, увлекая к выходу из зала:

— Идем, Агница. Наша гавань ждет своих хозяев.

Глава 2. Балтийский рубеж / Инспекция Усть-Луги

Вертолетная площадка аэродрома «Ржевка» встретила их низким, упругим свистом раскручивающихся винтов.

Специальный борт Ми-8МТВ в салонной компоновке VIP-Maritime — темно-графитовая машина с матовой серебряной полосой вдоль фюзеляжа и неброской эмблемой консорциума «Aeterna» на киле — стоял на заснеженном перроне с запущенными турбинами «Климов». Лопасти несущего винта рассекали тяжелый приморский воздух, сдувая с бетонных плит мелкую, искрящуюся крупу.

Багров поднялся по складному трапу первым, бегло осмотрев просторный салон на восемь персон и закрепив в багажном отсеке титановый кейс с материалами только что выигранного процесса на Суворовском.

Воронцов подал Агнице здоровую левую руку, страхуя ее на обледенелых ступенях.

Она не стала менять строгий фланелевый костюм-тройку от Celine: лишь набросила на плечи длинное кашемировое пальто цвета горького шоколада от Khaite, подняв воротник от сырого ветра. Под тонкой шерстью жилета мерно вздрагивал кашмирский сапфир Фаберже; в левой руке она держала кожаный портфель Smythson с нотариально заверенными актами 1998 года. Ее шаг по трапу был твердым, легким, исполненным той сдержанной властности, которая не нуждалась в повышении голоса.

На левом запястье золотой прямоугольник Cartier Tank отмерил 11:15.

Дверь гермокабины запечатала салон с глухим шипением пневматических замков.

Внутри шум турбин мгновенно сменился низким, глубоким басовитым рокотом.

Вертолет плавно оторвался от бетона, завис на секунду, компенсируя порыв бокового ветра, и, клюнув носом, пошел в набор высоты, уходя по пологой дуге на юго-запад — через акваторию Финского залива в сторону Лужской губы.

Полет на высоте шестисот метров длился сорок минут.

Внизу, сквозь редкие разрывы свинцово-пепельной облачности, проплывали темно-зеленые массивы реликтовых сосен Кингисеппского района, скованная тонким хрустальным припаем извилистая лента реки Луги и уходящие к горизонту многопутные железнодорожные парки станции Лужская, где сотни тяжелых цистерн и полувагонов формировались в непрерывные экспортные эшелоны.

Когда вертолет миновал Сойкинский полуостров и вышел к акватории Лужской губы, низкие тучи внезапно расступились, пропуская косой сноп холодного полуденного солнца.

В иллюминаторе открылась грандиозная панорама морского торгового порта Усть-Луга — крупнейшего глубоководного транспортного бастиона на всей Балтике.

Масштаб индустриальной мысли Олега Раевского с высоты птичьего полета казался тектоническим.

Это не было просто скоплением причальных стенок: на десятки квадратных километров береговой полосы раскинулась сложнейшая инженерная экосистема, взломавшая вековую логистическую монополию сопредельных европейских портов.

Справа, на южном фасе губы, возвышались циклопические роторные вагоноопрокидыватели и черные терриконы угля специализированного терминала «Ростерминалуголь»: два глубоководных пирса уходили в залив более чем на полкилометра. У причальной стенки под стрелами мощных судопогрузочных машин стоял стотысячетонный балкер класса Capesize, в чьи трюмы конвейерные ленты непрерывным потоком ссыпали сухое сырье.

Севернее блестели сферические резервуары наливного комплекса «Усть-Луга Ойл» и газофракционирующий завод, окутанный клубами чистого белого пара. Десятки резервуаров с плавающими крышами, переплетения криогенных эстакад, железнодорожные эстакады слива

сжиженных углеводородов и причалы, способные принимать океанские танкеры с предельной балтийской осадкой до семнадцати с половиной метров.

А в самом центре акватории, выдвинутый в глубокую воду, высился флагманский актив семейного холдинга — многопрофильный перегрузочный комплекс «Северного Транзита», глубоководный терминал № 4, целиком спроектированный и построенный на личные средства Олега Раевского.

Агница прильнула к двойному стеклу иллюминатора.

Ее тонкие пальцы медленно сжались на подлокотнике кресла.

— В декабре две тысячи первого года здесь было замерзшее клюквенное болото, Кирилл, — негромко произнесла она, и ее голос прозвучал чисто сквозь виброизоляцию салона.

Она смотрела на гигантские портальные краны, на вереницы маневровых тепловозов, на корабли под флагами нейтральных стран, замершие на внешнем рейде:

— В Хельсинки и Таллине тогда открыто потешались над отцом. Прибалтийские порты были уверены, что Россия никогда не сможет построить круглогодичный глубоководный порт на собственных илистых отмелях. Ему пророчили банкротство, отказ кредиторов и техническую гибель проекта. Полуэктов на заседаниях правления открыто требовал продать участки финнам за бесценок.

Она повернулась к Воронцову, в ее серо-стальных глазах тлел холодный огонь гордости:

— Отец заложил в швейцарских банках все свои личные активы. Он нанял тяжелые землесосные снаряды из Голландии, пробил входной канал сквозь гранитные морены и создал порт, который сегодня перевалывает больше ста миллионов тонн грузов в год.

Она опустила руку на портфель Smythson:

— И сегодня утром они попытались арестовать этот монумент по поддельным копиям векселей.

Воронцов сидел рядом, положив здоровую левую руку на спинку ее кресла.

Темно-серый шерстяной костюм Huntsman безупречно подчеркивал разворот его широких плеч. Лицо Кирилла было спокойным, сосредоточенным, не знающим колебаний:

— Твой отец построил гавань, Агница. Но бетон и дноуглубление — лишь половина уравнения. Вторую половину держат те, кто сидит на диспетчерских пультах и распределяет слоты налива.

Кирилл указал на массивное четырехэтажное здание портовой администрации из стекла и бетона, стоявшее у корня четвертого пирса:

— Багров доложил: руководство стивидорных операторов Усть-Луги узнало о решении Арбитражного суда тридцать минут назад. До этого момента генеральный директор порта Савельев и начальники коммерческих отделов держали наготове протоколы передачи полномочий временной администрации Полуэктова. Они ждали, чья возьмет.

Агница холодно усмехнулась одними уголками губ:

— Значит, их ожидания подошли к концу.

Вертолет заложил крутой вираж над акваторией Лужской губы, плавно погасил поступательную скорость и мягко опустился на круглую железобетонную посадочную площадку у мыса Систо-Палкино.

Дверь вертолета отошла в сторону.

Сырой балтийский шквал, насыщенный тяжелым запахом мазута, соли, угольной пыли и сосновой смолы, хлестнул в салон, развевая шелковые складки шарфа Агницы.

Воронцов спустился по трапу первым, подав ей руку.

На посадочной площадке, выстроившись неровной шеренгой под моросящим дождем, их ожидала верхушка руководства порта: генеральный директор управляющей компании морского торгового порта Усть-Луга Савельев, главные диспетчеры наливного района и директора ключевых стивидорных подразделений.

Мужчины в тяжелых мембранных куртках поверх темных деловых костюмов переминались с ноги на ногу. На лицах читалась крайняя степень нервозности: победа Агницы на Суворовском проспекте и полное аннулирование претензий кипрского офшора означали, что власть над портом вернулась в руки истинной хозяйки, не знающей компромиссов.

Генеральный директор Савельев — пятидесятипятилетний плотный мужчина с тяжелым подбородком и глубокими складками у рта — сделал три быстрых шага вперед, стянув кожаную перчатку:

— Агния Олеговна! Кирилл Николаевич! Рады приветствовать вас на Балтике!

Савельев с подчеркнутым подобострастием пожал здоровую руку Воронцова, склонив голову перед Агницей:

— Мы следили за трансляцией решения судьи Киселевой... Это исторический прецедент! Справедливость восторжествовала. Все информационные системы порта разблокированы, никаких ограничений на операции нет!

Агница остановилась перед ним, не подавая руки.

Ее кашемировое пальто колыхалось от штормовых порывов, взгляд серо-стальных глаз прошил генерального директора насквозь с такой ледяной остротой, что Савельев замялся на полуслове:

— Справедливость здесь ни при чем, Савельев. Здесь работают нормы Арбитражного процессуального кодекса и сила документов моего отца.

Она поправила воротник, шагая по бетонной дорожке к зданию администрации:

— Где собраны начальники терминалов?

— В зале оперативных совещаний на четвертом этаже, — торопливо ответил директор, семеня за ней на полшага позади. — Мы подготовили подробный доклад по грузообороту за девять месяцев...

— Доклад по грузообороту оставите для статистических ведомств, господин Савельев, — отсекла Агница, не замедляя темпа.

Каблуки ее оксфордов сухо и мерно щелкали по ступенькам парадного крыльца:

— Меня интересует, почему причалы номер три и четыре вчера вечером были поставлены в режим ожидания «в связи с претензиями третьих лиц». И почему на танкерных стоянках до сих пор действуют серые регламенты отстоя грузов, заведенные кипрскими посредниками Полуэктова.

Директора стивидорных компаний за спиной Савельева побледнели, не решаясь поднять глаз. Они поняли: перед ними стоял не номинальный акционер, которому можно подсунуть победные презентации, а верховный арбитр, знающий физику каждого технологического процесса.

Воронцов шел рядом с ней, контролируя периметр.

Багров и двое оперативников «Тороса» в штатском бесшумно заняли позиции у входных турникетов, заблокировав доступ посторонним лицам на время визита.

Зал совещаний на четвертом этаже диспетчерского комплекса открывал панорамный вид на весь Северный район порта.

За широкими, во всю стену окнами простиралась темно-свинцовая гладь залива. Шестнадцать крупнотоннажных судов стояли на рейде на дистанции полукабельтова друг от друга, их якорные огни уже зажигались в сгущающихся сумерках.

Агница заняла место во главе массивного овального стола из полированного дуба.

Она сняла пальто, оставшись в строгом фланелевом жилете и сорочке с сапфиром. Портфель Smythson лег перед ней на полированное дерево.

Щелкнули латунные замки.

Из портфеля на стол легло свежее определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области с гербовой мастичной печатью и Генеральный регламент семейного траста «Aeterna-Раевская».

Директора стивидорных компаний и главные инженеры сели вдоль стола, открыв ежедневники. Воронцов остался стоять за креслом Агницы, опершись левой рукой о спинку, возвышаясь над залом темной, подавляющей фигурой.

— Начнем с ликвидации иллюзий, господа, — заговорила Агница.

Ее голос заполнил тишину зала с хирургической сухостью:

— Эпоха двойного управления в морском торговом порту Усть-Луга закрыта окончательно.

Она открыла первую вкладку внутреннего аудита:

— На протяжении последних трех лет компания Nordic-Caspian через подставные фирмы использовала нефтеналивные эстакады четвертого терминала для так называемого «технологического депонирования». Нефтепродукты сливались в береговой резервуарный парк без таможенного декларирования, хранились под видом технологического остатка, а затем оформлялись на кипрские офшоры со скидкой в двадцать пять процентов к рыночной котировке Brent.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.